

Лексико-семантические трансформации в переводах дидактической литературы на русский язык (на материале прозы К.Насыри)

И.Ж.Едиханов

Республика Татарстан – республика многонациональная и многокультурная. Развивающиеся на одной территории русская и татарская культура не смогли не повлиять друг на друга. В частности, это происходит и через литературу, ведь язык и культура неразделимы. В таком диалоге культур не последнее место сыграл перевод литературных произведений, ведь он, с одной стороны, обслуживает непосредственную необходимость общения, а с другой, способствует развитию культур, обогащая их достижениями других народов.

При изучении точек зрения разных учёных становится ясно, что перевод – понятие очень широкое и многозначное. На основании определений таких ученых, как А.В.Федоров, А.Д.Швейцер, М.Ледерер, Я.И.Рецкер, В.С.Виноградов, Р.К.Миньяр-Белоручева, Л.С.Бахударов и др. можно сказать, что постоянным признаком перевода является соотношение оригинал/перевод. В то же время перевод есть перевыражение, преобразование. Одним из двух типов перевыражения является трансформация. В современной теории перевода термин трансформация получил широкое распространение, хотя часто он используется неоднозначно. При анализе лексико-семантических особенностей произведений К. Насыри «Тәрбия китабы» / «Книга о воспитании», «Кабуснамә» / «Кабуснаме» за основу была взята теория Л.С. Бархударова о семантических трансформациях.

Основная иллюкативная цель, которая преследуется в дидактической прозе выдающегося татарского просветителя К.Насыри, – это укрепление нравственности окружающих людей путем воспитания и наставлений, т.е. формирование в сознании слушателей определенных моральных концептов, а также привитие собеседнику определенных стереотипов правильного поведения и корректировка возможных отступлений от нормы. Поэтому в центре внимания автора стоит некий идеал совершенного, нравственного, этического человека, что можно рассматривать как реализацию нормативно-ценностной функции человеческой психики [Максимов 2000: 17-30]. Это в свою очередь находит отражение и в языке, в частности, в лексике, так как

«слово как единица лексического уровня имплицитно включает все многообразие лексикосистемных и ассоциативных связей, при этом текст предстает как реализация тех или иных лексических группировок системы и ассоциативное поле *ключевых (опорных, тематических)* слов» [Сулименко 2007: 30]. А это дает нам основание для выделения в семантическом и функциональном аспекте особой группы этико-дидактических слов, словосочетаний, выражений, так или иначе характеризующих воспитанного человека, который руководствуется в своей жизнедеятельности какими-либо морально-этическими принципами. В этом проявляется основная лексическая особенность религиозного дискурса – насыщенность текста словами, выражениями морально-этической оценки [Шмелев 1999: 225].

Следует отметить, что при изучении семантических трансформаций как переводческих приемов, мы можем опираться только на исходный текст произведения-оригинала и текст его перевода. Следовательно, мы можем определить сам прием только по результату. В ходе лексико-семантических трансформаций сумма семантических компонентов единицы исходного текста равна сумме компонентов единицы переводного текста. Этот вид семантических трансформаций знака сохраняет первоначальную сумму семантических компонентов независимо от изменения структуры.

На основе рассмотрения и анализа дидактической лексики произведений К. Насыри «Книга о воспитании», «Кабуснаме» на татарском и русском языках, предлагается следующая классификация результатов изменения исходных смыслов оригинала в переводном тексте: сужение, расширение и искажение информации.

1. Сужение информационной структуры оригинала при переводе:

Хикэят кыйлынмыштыр ки: бер дәрвиш кичендә бик куп тагам ашап, [сэхэргә кадәр] бертуктаусыз намаз укый, имеш, диделәр/ Рассказывают, что один дервиш на удивление зевакам съел двести фунтов хлеба и потом всю ночь напролет провел в молитвах [17]¹.

Выделенная нами лексема в Арабско-татарско-русском словаре заимствований (АТРСЗ) обозначается следующим образом:

сэхэр – 1) заря, рассвет. 2) завтрак на заре (во время поста у мусульман) (с. 529).

---

¹ Здесь и далее после текстовых примеров и при анализе в квадратных скобках указывается номер наставления.

Видно, что переносное значение, развившееся у данной лексики вследствие метонимии, отсутствует в тексте перевода, вследствие чего оказывается утраченной следующая фоновая информация (по В.С.Виноградову): ситуация, описываемая в притче, происходит во время поста, поэтому неудивительно, что субъект совершает подобного рода действия. Кроме того, здесь использован прием конкретизации при переводе словосочетания *куп тэгам*. В арабизме *тэгам* выделяются следующие значения: *пища, продукты питания, еда* [АТРСЗ 1965: 558]. Кстати, в Толковом словаре татарского языка (далее – ТТАС) данное слово помечено как устаревшее [ТТАС 2005: 578]. Количественно-именное сочетание *двести фунтов хлеба* стилистически адекватно передает содержание единицы ИЯ. В этой притче подвергается порицанию неумеренность в еде, которая может проявляться не только у «обычных» людей, но, как следует из притчи, даже у дервишей.

Әй уғыл, берәү сиңа изге нәсыйхәт кыйлса, [жаның-тәнең белән] аны тыңла — ул өйрәткәнчә гамәл кыйл / О сын мой! Если кто-то даст тебе добрый совет, постарайся претворить его в жизнь [40].

Выражение *жаның-тәнең белән* является фразеологизмом в татарском языке и употребляется преимущественно со статальными глаголами, обозначая потенциально сильное качество, свойство: всем существом, душой и телом, всеми фибрами души; горячо и пылко, всей душой (любить, ненавидеть (кого-л., что-л.)) [ТТАС 2005: 775; ТРС 2004: 457]². Адресат должен не только выслушать и *постараться* претворить в жизнь добрый совет, но *непрерывно руководствоваться* им в своей жизни (гамәл кылырга). Интересно отметить, что данное выражение показывает отсутствие противопоставления души и тела, души и плоти в татарской лингвокультуре, согласно которой «человек в меньшей степени дуалистичен, чем европеец, душа и тело у него должны дополнять друг-друга, стремиться быть в гармонии», что характерно для восточной культуры в целом [Замалетдинов 2003: 18]. К сожалению, эмоционально-экспрессивная и социолокальная информации, содержащиеся в данном фразеологизме, оказались утраченными в языке перевода.

---

² ТТАС – толковый словарь татарского языка; ТРС – татарско-русский словарь

2. Расширение информационной структуры оригинала за счёт введения новых единиц в текст перевода.

Әй уғыл, яман холыклы вә тар холыклы кемсәналәрдән кач вә ерак кит, күркәм холыклы кемсәналәрдән аерылма вә ахлакы хәмидә белән мөтәсыйф бул / О сын мой, от дурных людей беги, <как от огня>, и не разлучайся с людьми добрыми, любезными в общении, заслужи их уважение похвальным поведением [68].

Переводчик подчеркнул субъективность выражения и усилил экспрессивность благодаря использованию сравнения *как от огня*, отсутствующего в оригинале. Интересно отметить, что атрибутивы «яман холыклы» и «тар холыклы» переведены одним словом – «дурной», а определение «күркәм холыклы» контекстуальными синонимами «добрый, любезный в общении», благодаря чему происходит компенсация языковых средств и, как следствие, достижение семантической эквивалентности.

3. Искажение информационной структуры оригинала вследствие неудачного перевода, неверного истолкования смысла наставлений.

Ул кеше әйтте: «Изге бәхетлекнең галәмәте шулдыр ки, дөньяда парһизкяр булыр, ахирәтне онытмас, гыйбадәтчән булыр... аз сүзле булыр... хәрәмнан сакланьр, изгеләргә махәббәт итәр, мөтәвазигь булыр, жүмарт булыр, шафкатьле булыр/ Он ответил: «Доброе счастье бывает воздержанным, всегда помнит друзей, оно благочестиво, малословно... безгрешно, поклоняется святым, учтиво, щедро, милосердно» [39].

Словосочетание *ахирәтне онытмас* переведено как *помнит друзей*. Действительно, у лексемы *ахирәт* два значения: 1) «загробная жизнь»; 2) «верный, закадычный друг» [АТРСЗ 1965: 19]. Переводчик прибегает ко второму значению, в оригинале же использовано слово в своем первом основном значении. Это подтверждается следующими показателями: после данного словосочетания следуют такие, как *гыйбадәтчән булыр (благочестиво)*, *хәрәмнан сакланьр (безгрешно)* и т.д., т.е. они составляют тематический ряд, связанный с религиозными понятиями (исламом). Далее в наставлении идет описание «злого счастья», компоненты которого антонимичны первой части. Используется выражение *үлемне онытыр (она забывает, что жизнь не вечна)*. Из всего этого следует, что лексема *ахирәт* никак не могла быть использована здесь во втором своем переносном значении.

Следует также отметить, что *изгеләргә мәхәббәт итәр* переведено как *поклоняется святым*. С нашей точки зрения, русское *поклоняться* не соответствует татарскому *мәхәббәт итәр*, т.к. поклонение святым наблюдается в христианстве, особенно в католицизме. В исламе же считается, что поклонение никому другому, кроме Аллаха, неприемлемо. Если же такое имеет место, то это считается большим грехом и, следовательно, нарушением религиозно-этических норм. Буквально *мәхәббәт иту* — *любить*. Мы считаем, что можно было бы перевести так: *почитает святых*, и это было бы наиболее правильным переводным эквивалентом, передающим смысл наставления без каких-либо искажений.

Таким образом, под лексико-семантическими трансформациями нами понимается преобразования плана содержания исходного текста при переводе на другой язык, происходящие в результате перестановок, замен, добавлений и опущений лексических (фразеологических) единиц.

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-14-16017

Литература

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 227 с.

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.

Гарбовский Н.К. – Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

Замалетдинов Р.Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка / Р.Р. Замалетдинов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. – 208 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

Максимов Л.В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ / Л.В. Максимов // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 17-30.

Татарско-русский словарь: 25000 слов / Под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 488 с.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М., 1974. – 523 с.

Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа: Учеб. пособие / Н.Е. Сулименко. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. – 212 с.

Хәмзин К.З. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. (Татар әдәбиятында кулланылган гарәп һәм фарсы сүзләре) / К.З.Хәмзин, М.И.Мәхмүтов, Г.Ш.Сәйфуллин, – Казан: Иман, 1993. – 856 б.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 184 с.

Шмелев А.Д. Функциональная стилистика и моральные концепты / А.Д. Шмелев // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность / Отв. ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. – М., 1999. – С. 225-235.